

XVI Международный съезд славистов
Белград, Сербия, 20 – 26 августа 2018 г.

Материалы
тематического блока 2.2.

Функциональность славянской книжности

Организаторы блока: М. Гардзанити, Н. Запольская

Содержание

Запольская Н. У истоков славянской книжности: функциональная легитимация славянского литургического языка.....	2
Гардзаничи М. Происхождение и цель первого славянского сборника – Изборника 1073 г.....	7
Уханова Е. Формы организации книжного производства в Древней Руси: данные кодикологии и палеографии.....	13
Альберти А. Филологическая деятельность тырновских книжников XIV века и восстановление кирилло-мефодиевского наследия.....	19
Шпадијер И. Функционалност српске књижевности XIII века – хагиографски и химнографски списи посвећени светом Симеону.....	20
Темчин С. Функциональный сдвиг в церковнославянской гимнографии: службы Сербляка.....	28
Климов И. Православный ответ на вызовы Реформации и Контрреформации: украинско-белорусский печатный сборник в составе Псалтыри и Нового Завета (конец XVI – 1-я треть XVIII вв.).....	31
Запольская Н. «Скрытая» лексикография: кодификация лексики в церковнославянских грамматических сочинениях XVI- начала XVIII вв.....	34
Сведения об авторах.....	40

Наталья Запольская
(Россия)

У истоков славянской книжности: функциональная легитимация славянского литургического языка

Христианизация языка, сопровождавшая христианизацию славянских народов, на функциональном уровне заключалась в легитимации функции языка богослужения. «Римский» этап институциональной легитимации созданного Константином и Мефодием славянского книжного языка как литургического включал процедуру освящения славянских богослужбных книг и совершения литургии на славянском языке в Риме в конце 867 г. или в начале 868 г., а также данное в 880 г. (869 г.?) папой римским разрешение совершать богослужение на славянском языке в славянских землях, непосредственно подчиненных римскому престолу. Созданные в разных исторических условиях разные источники демонстрируют разные стратегии описания процесса легитимации славянского литургического языка, что осложняет его реконструкцию. Так, Пространное Житие Константина и Пространное Житие Мефодия представляют расхождения, касающиеся предмета церемонии освящения книг («книги» / Евангелие), пространства церемонии освящения книг (церковь св. Марии / церковь св. Петра), состава участников процедуры легитимации (папа римский Адриан II, епископ Велетри Гаудерих и епископ Порто Формоза / папа римский Николай I (?), епископ – вероятно, епископ Порто Формоза), исторического контекста процедуры легитимации (отсутствие / наличие в тексте жития сведений об осуждении папой римским противников славянского богослужения)¹.

¹ Несмотря на безусловную историческую значимость институциональной легитимации славянского литургического языка, описание легитимации в Житиях Константина и Мефодия не являлось предметом отдельного исследования: исследователи ограничивались культурно-историческими характеристиками участников процесса легитимации и атрибуцией храмовых пространств, в которых проходила процедура легитимации [см. литературу: Ангелов, Ходов 1973; Флоря 2000; ср. Dvornik 1933]

В Житии Константина объектом внимания является сама процедура легитимации славянского языка, представленная как действие, последовавшее за перенесением в Рим обретенных Константином мощей св. Климента. В таком церемониальном дискурсе важность приобретали содержание и ход действия: сначала в церкви св. Марии были освящены славянские книги, затем, после рукоположения учеников Константина и Мефодия, совершалась литургия в римских храмах – в первый день в церкви св. Петра, во второй день в церкви св. Петронииллы, в третий день в церкви св. Андрея и потом в церкви св. Павла. Выбор храмов и последовательность совершения в них богослужения отражали логику «храмового сознания», актуализирующего функциональный статус святого: первое богослужение происходило в главном храме – церкви св. Петра, основателя Римской церкви, последующее богослужение – в церкви св. Петронииллы, духовной дочери Петра, что могло символически указывать на отношения римского престола и поместных церквей, выбор церкви св. Андрея определялся его статусом основателя Константинопольской церкви, а завершение процедуры легитимации службой в церкви св. Павла объясняется его статусом «апостола народов», провозгласившего в посланиях равенство всех перед Христом. Не столь понятным является выбор церкви св. Марии для освящения славянских богослужебных книг: принятое исследователями объяснение выбора тем, что этот храм был особенно любим папой Адрианом II, представляется недостаточно убедительным, поскольку речь идет не столько об отношении папы Адриана, сколько о роли этого храма в церемонии поставления римских пап, а именно об аккламация римского народа после избрания папы (*Liber pontificalis*. т.117, кол. 1246). Ключом к пониманию выбора может быть название церкви – *beata Maria ad Praesepe* (в списках Жития Константина **Фатнь, Фатань, Фатни**, т.е. греч. *ἡ φάτνη*), свидетельствующее о главной реликвии храма – Яслях Христовых. С целью сохранения святыни Ясли Христовы вместе с другими реликвиями в 642 г. были вывезены из Вифлеема

в Рим и помещены в церкви св. Марии, что создавало символическое пространство, связанное с Рождеством Христовым. В церкви св. Марии, в алтаре, нашли упокоение и мощи св. Иеронима, вопрос о времени перенесения которых остается открытым: перенесение могло состояться либо вместе с перенесением Яслей Христовых, либо в периоды с 1099 г. по 1187 г. или с 1229 г. по 1244 г., т.е. когда Вифлеем был под властью крестоносцев¹. Даже если в IX в. мощи св. Иеронима еще не были реликвией церкви св. Марии, сам «вифлеемский контекст» напоминал о библейском переводчике и экзегете, родившемся в Римской провинции Иллирик, жившем в Риме и в Вифлееме, похороненном в Вифлееме рядом с Пещерой Рождества Христова. В перспективе освящения славянских книг в Риме переводческая деятельность Константина Философа могла соотноситься представителями Римской церкви с переводческой деятельностью св. Иеронима, что могло повлиять на выбор храма для церемонии освящения: св. Иероним исправил в Риме латинские редакции евангельских текстов по греческим оригиналам, а в Вифлееме перевел с древнееврейского языка книги Ветхого Завета, задав тем самым образец богослужебных книг, Константин Философ перевел Евангелие, Апостол, Псалтырь с греческого языка на славянский [Запольская 2018].

В Житии Мефодия процедура легитимации славянского языка описана кратко и неточно, поскольку в центре внимания автора жития находятся последствия этой процедуры: организация славянского богослужения на славянских землях, непосредственно подчиненных римскому престолу; официальное признание // непризнание славянского богослужения на этих землях; осуждение // поддержка римскими папами противников славянского богослужения. Система аргументов выстраивается агиографом посредством развернутого пересказа буллы Адриана II Ростиславу, Святополку и Коцелу,

¹ Обширную литературу вопроса см, например, в Православной энциклопедии, в статье «Иероним Стридонский (раздел, посвященный мощам св. Иеронима, написан А.А. Королевым)

которая оказывалась в этом пересказе тематически соотнесенной с представленным в Житии Константина посланием византийского императора Михаила III Ростиславу. В условиях обострения борьбы с немецким духовенством после смерти Мефодия автор жития стремился законодательно обосновать моравскую миссию Константина и Мефодия и доказать, что римский престол дал разрешение совершать богослужение на славянском языке с момента создания славянской церковной структуры, с началом действия полномочий Мефодия как архиепископа. С этой целью агиограф вставлял в пересказ буллы Адриана II фрагменты из буллы его преемника Иоанна XVIII, официально признавшего в 880 г. авторитет славянского богослужения [Флоря 1981/2000]. Соответственно, осуждение папой римским противников богослужения представлено в Житии, с одной стороны, как устное заявление, сопровождавшее процедуру легитимации славянского языка, и являвшееся тем самым текстовой репликой на представленное в Житии Константина заявление поддерживавших триязычную ересь латинских епископов, споривших с Константином в Венеции, а с другой стороны, как фрагмент буллы Адриана II, предписывающей санкции в отношении тех, кто не принял славянское богослужение, тем самым не принял Мефодия как папского легата в славянских землях.

Таким образом, функциональный подход позволяет предложить объяснение незамеченных ранее исследователями особенностей процедуры легитимации славянского литургического языка и выявить собственно функциональный характер этой легитимации.

Источники

Житие Константина – Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1-39.

Житие Мефодия – Успенский сборник XII-XIII вв. М.: Наука, 1971. С. 188-198.

Литература

Ангелов, Кодов 1973 – Климент Охридски. Събрани съчинения. / Боню Ст. Ангелов и Христо Кодов. Т.3., София. 1973.

Запольская 2018 – *Запольская Н.Н.* Проблема легитимации славянского литургического языка // Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Рим-Флоренция 5-10 февраля 2018 г. Материалы конференции. М.: Индрик, 2018. с. 53-55.

Флоря 1981/2000 – *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. Санкт-Петербург: Алетея, 2000.

Dvornik 1933 – *Dvornik F.* Les legends de Constantin et de Methode, vues de Byzance. Prague. 1933.

Марчелло Гардзанини
(Италия)

Происхождение и цель первого славянского сборника - Изборника 1073 г.

В рамках нашего тематического блока мне бы хотелось представить несколько размышлений о первом славянском сборнике – Изборнике 1073 г., особо имея ввиду эпоху создания его греческого оригинала, т.н. Σωτήριος, и его первый перевод на славянской почве в эпоху царя Симеона в Первом болгарском царстве [см. Янева 2015].

Для представления этой сложной проблематики я буду ссылаться на мои предыдущие работы, в которых поставлены самые важные вопросы и указаны основные библиографические данные, но все же необходимо подчеркнуть, что мое исследование находится еще на начальном этапе.

Краткая статья об Изборнике 1073 в Словаре книжников и книжности Древней Руси, написанная покойным коллегой Г.М. Прохоровым [Прохоров 1987], дает нам возможность понять до сих пор доминирующее представление об этом сборнике. В статье излагается содержание сборника, но не ставится вопрос о греческом оригинале и вопрос о составлении перевода в Преславе. Ядро Изборника составляют «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита, которые содержат «свод выписок из Священного писания и отцов и учителей церкви... им предшествуют и за ними следуют выдержки из сочинений ... ряда других выдающихся христианских писателей». Особенно важно заметить, что в статье подчеркивается широкий круг «областей знания» и то, что сборник «служил, можно сказать уверенно, энциклопедией, освещавшей самые главные вопросы христианской культуры» [Прохоров 1987: 194]. Не удаляется от этой интерпретации и К. Иванова в Кирилло-Мефодианской Энциклопедии, указывая также на «энциклопедичен принцип в обема и разположението на материала» [Иванова

1995: 52]. Таким образом, исследовательская мысль сосредоточена на «средневековом энциклопедизме», проявление которого более уместно связать с развитием схоластики во втором тысячелетии, чем в средневековье, не говоря уже о еще более условном значении «византийского энциклопедизма» [Odorico 1990].

В новейшей литературе о Симеоновом сборнике и о его греческом оригинале также не меняется представление о нем как об энциклопедическом сочинении или как о «путеводителе к христианской вере» [Thomson 2007: 751], излагающем христианское учение на основе цитат, выписок из Священного писания и отцов церкви.

Чтобы ответить на вопрос о функции первого славянского сборника, надо вернуться к историческим обстоятельствам создания греческого оригинала, Σωτήριος. В этом нам помогают несколько исследований, появившихся с 90-х гг., особенно работы М. Бибикова, Ф. Томсона и П. Яневой [см. Гардзанити 2017: 307-311].

Уже в 1996 г. Бибиков предположил, что произведение было написано в Константинополе, в имперской курии во второй половине IX века [Бибиков 1996]. Позже, основываясь на краткой патриаршей хронике, которая содержится в Изборнике, Томсон датировал первый этап создания этого сочинения периодом между 867 и 877 годом, временем второго патриаршества Игнатия до возврата Фотия на престол. В одном греческом кодексе, происходящем с Афона (Laura G 115, XIII в.), краткая патриаршая хроника завершается отсылкой ко второму восхождению Фотия на патриарший престол. Надо также упомянуть, что его дядя, патриарх Никифор (ок. 758–828), объявленный врагом иконоборчества, цитируется не менее двух раз во флорилегии.

Интересно еще сравнить Σωτήριος с сочинением константинопольского патриарха Амфилохия. Этот сборник содержит не только различные темы,

присутствующие в $\Sigma\omega\tau\eta\rho\iota\varsigma$, но даже некоторые вопросы и ответы Анастасия Синаита, чей сборник вопросов представляет центральное ядро $\Sigma\omega\tau\eta\rho\iota\varsigma$.

Как уже написал Прохоров, центральная часть сборника состоит из собрания вопросов и ответов Анастасия Синаита, но на самом деле, как можно установить на основе работы М. Рихарда и Й. Мунитица [Richard, Munitiz 2006], самому Анастасию принадлежат только первые 23 вопроса и еще 40, 55, 60, 63-64 и 128. Остальные были составлены Псевдо-Анастасием, вероятно, составителем сборника и современником патриарха Фотия. Эта центральная часть, в свою очередь, разбита на несколько подразделов: первые 22 вопроса касаются христианской жизни, следующие можно более или менее разделить таким образом – вопросы о Ветхом завете и вопросы о Новом завете: сначала Послания и затем Евангелия, соответствуя порядку провозглашения в литургии, а не библейской последовательности. Надо подчеркнуть, что сочинение Псевдо-Анастасия в сравнении с вопросами и ответами настоящего Анастасия характеризуется прежде всего количеством библейских и патристических цитат, которые следуют за ответом [Thomson 2007: 721].

Заключительная часть, менее стабильная часть произведения, содержит серию основополагающих текстов для понимания богословия Троицы и толкования Библии, среди которых можно найти списки библейских книг с указанием на их каноничность [см. Thomson 2007: 744–752].

Чтобы понять функцию греческой флорилегии, необходимо обратиться к константинопольскому контексту IX в., к периоду, когда патриарх Фотий организовывал миссионерскую деятельность, как указывают не только его Письмо к Восточным патриархам и хану Борису, но и Жития Константина и Мефодия [Garzaniti 2015]. Можно тогда предположить, что $\Sigma\omega\tau\eta\rho\iota\varsigma$ был предназначен для миссионеров, которые должны были преподавать классическое христианское учение так, как оно представлено в традиции христианского Востока. Следуя традициям христианства первых веков, в

центре внимания оказывалось толкование Священного писания в соответствии с методами и экзегетической формой обучения отцов церкви.

Сборник $\Sigma\omega\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\varsigma$ не был трактатом христианской эрудиции, написанным в энциклопедической форме. Он был задуман, начиная еще с Псевдо-Анастасия, как сочинение, предлагавшее «набор инструментов», необходимых для понимания и истолкования Священного писания на уровне содержания и на уровне формы (об этом свидетельствуют, например, тексты, посвященные аллегории).

$\Sigma\omega\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\varsigma$ и затем Симеоновский сборник, как свидетельствует его список, Изборник 1073 г., представляют собой антологию текстов Священного Писания и отцов церкви, чрезвычайно полезную для обучения духовенства и, в первую очередь, миссионерского духовенства, среди которого были и первые ученики Кирилла и Мефодия. Надо подчеркнуть, что тщательный анализ Вопросы 65 показывает, что в сборнике присутствуют несколько библейских и святоотеческих цитат, ключевых для понимания славянской миссии, начиная с экзегезы 1 Кор. 14, 19 [Garzaniti 2018].

Греческий оригинал сборника мог служить также для обучения новопоступающих христиан знатного рода, как, например, молодой Симеон ввремя его учебы в Константинополе. С этой точки зрения можно толковать и посвящение парижского кодекса Paris. gr. 922 „августейшей Евдокии“ как реплику XI века оригинального посвящения $\Sigma\omega\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\varsigma$ Евдокие Ингерине (ок. 840–883), императрице варяжского происхождения, жене Василия, основателя македонской династии [Гардзанити 2017: 307].

Кроме того, сборник мог стать важнейшим пособием для понимания Библии в целях ее перевода, который осуществлялся в Моравии под руководством Мефодия. Славянское название Изборника 1073 г. свидетельствует об этой специфической функциональности [Гардзанити 2017: 307].

Все вышесказанное объясняет, почему сборник не содержит актуальные на тот момент в Византии богословские темы, а вне всякой полемики предлагает традиционные для первых веков христианства патристические размышления, направленные на понимание ключевых и сложных мест Священного Писания. Это произведение в славянском переводе стало моделью методологического подхода, с одной стороны, в плане вопросно-ответной формы как мнемонического средства, с другой стороны, в плане аргументации, сопровождения Священного писания экзегезой святых отцов. Эта форма книги не имеет, конечно, прямой литургической функции, но как пособие для монастырских школ и как сборник проповедей была связана с конкретными потребностями христианских общин, участвуя тем самым в формировании «церковной памяти», которая укоренилась сначала на Балканах, а позже у восточных славян [Гардзанити 2018].

Литература

- Бибииков 1996 – *Бибииков М. В.* К датировке греческого прототипа Изборника Святослава // О чем поведают архивы ... Российско-болгарские отношения и связи. Под ред. Института славяноведения РАН. Москва 2011. С. 149–170.
- Гардзанити 2017 – *Гардзанити М.* Миссионерское наследие Кирилла и Мефодия и Симеонов сборник // 100 години кирилometодиевистика в България. Идентифициране на еврейски и християнски модели в литературата. София 2017. С. 305–316 (Кирило-Методиевски студии 25).
- Гардзанити 2018 – *Гардзанити М.* «Церковная память» в книжности Slavia Orthodoxa // Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Selecta.

- Славянское средневековье. Богослужение. Книжность. Язык. Под ред. Н.Н. Запольской. М. 2018.
- Иванова 1995 – *Иванова К.* Изборник от 1073 г. // Кирило-Методиевска енциклопедия. 2. София 1995. С. 50-56.
- Прохоров 1987 – *Прохоров Г.М.* Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. С.194-196.
- Янева 2015 – *Янева П.* Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), в 3 тома, под общата ред. на Петър Динеков. Т. 3. Гръцки извори, под. ред. П. Янева, София 2015.
- Garzaniti 2015 – *Garzaniti M.* The Constantinopolitan project of the Cyrillo-Methodian mission according to the Slavonic Lives of the Thessalonican brothers // Cyril and Methodius: Byzantium and the World of the Slavs. International Scientific Conference. Thessaloniki 2015. P.51–67.
- Garzaniti 2018 – *Garzaniti M.* Хощоу пѣть словесъ... Parlare in lingue nella missione cirillometodiana e nella tradizione bizantina // Езици на християнската молитва – история и съвременност. София 2018. С.19–28 (Кирило-Методиевски студии 26).
- Odorico 1990 – *Odorico P.* La cultura della συλλογή. 1) il cosiddetto enciclopedismo bizantino. 2) le tavole del sapere di Giovanni Damasceno // Byzantinische Zeitschrift 83 (1) (1990). P.1-21.
- Richard, Munitiz 2006 – *Anastasii Sinaïtae: Quaestiones et responsiones*, edd. M. Richard, J. Munitiz. Turnhout 2006 (CCSG 59).
- Thomson 2007 – *Thomson, F. J.* A Comparison of the Contents of the Two Translations of the Symeonian Florilegium on the Basis of the Greek Original Texts // Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век. София 2007. С.721–758 (Кирило-Методиевски студии 17).

Елена Уханова
(Россия)

Формы организации книжного производства в Древней Руси: данные кодикологии и палеографии¹

Прямых сведений о формах организации древнерусских писцов не сохранилось, поэтому все реконструкции этого явления строятся на умозрительных гипотезах или за счет интерполяции зарубежных моделей на русскую почву. Полагаем, что формы организации книжного производства на Руси должны были находиться в рамках породившей его византийской модели, несколько упрощенной или модифицированной. Одной из наиболее ярких черт византийской культуры с X в. была монополия Константинополя на высшие формы образования и концентрация высококаллиграфичных скрипториев в столице. Иными словами, книжная продукция столицы и провинции заметно отличалась. Полагаем, это положение было справедливо и по отношению к Киевской Руси. Кодикология и палеография сохранившихся русских парадных рукописей XI – 1-й трети XII вв. позволяет предположить, что все они были продукцией столичных мастеров.

Длительное время было принято считать, что основными центрами книжного производства были общежительные монастыри, аналоги которым хорошо известны по западноевропейским источникам. Затем появились концепции доминирования церковно-приходских форм книгописания [Столярова 1999], полного отсутствия монастырского книгописания и возникновения для крупных заказов временных объединений писцов – артелей [Бобров 2001], упоминаемых в записях начиная со 2-й трети XIV в. «владычных паробках» – епископских или митрополичьих писцов как создателей значительной части книг и в более раннее время. Полагаем, что каждое из этих предположений в той или иной степени является верным.

Кодикологические и палеографические данные 55 древнерусских рукописей

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00571 «Древнерусские скриптории XI — первой трети XII в.».

и их отрывков XI – первой трети XII в. свидетельствуют о существовании в то время, прежде всего, мелких форм ремесленного производства: работы индивидуальных писцов (в том числе каллиграфов), небольшого внутрисемейного объединения, небольшой писцовой школы с двумя–тремя учениками.

Книжное производство крупных монастырских скрипториев на материале древнерусских рукописей прослеживается слабо. Отрицание его существования базируется на гипотезе об особножительном характере монастырей раннего периода, не предполагавших совместной трудовой деятельности иноков. Однако наличие древнерусских списков XII–XIV вв. общежительного Студийского устава, а также свидетельства письменных и археологических источников подтверждает общежительный характер ряда ранних крупных обителей. Единичные рукописи, создание которых мы можем с большой долей вероятности приписать большим городским монастырям (ГИМ, Син. 551; РНБ, Ф.п.1.23), заметно отличаются от своих западноевропейских аналогов отсутствием унификации в их производстве: почерки многочисленных писцов одной книги разнятся по уровню профессиональной подготовки и стилистически, распределение работы над текстом носит стихийный характер, типы разлинок в пределах одного кодекса также отличаются.

Гипотеза Л.В. Столяровой о преимущественно церковно-приходском характере книгописания на Руси в древнейший период до сих пор основывалась на самоидентификации писцов в редких записях как представителей белого духовенства и их детей. Полагаем, что ситуация не столь линейна. Значительная часть сохранившихся подписных рукописей связана с заказчиками высокого статуса, для которых естественно обращение к светским мастерам. Кроме того, работающие в миру профессиональные писцы имели особые основания для маркировки своей части тетрадей в коллективной работе пометами типа «Михаил псал 3 тетради». Это означало

факт выполнения выделенной им доли работы и, вероятно, гарантировало их вознаграждение. Между тем, подавляющая анонимность большинства сакральных памятников древнерусского искусства происходит из смиренного следования их создателей заповеди творить богоугодные дела в тайне, «и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:4). Этот принцип могли разделять как светские писцы, так и особенно монастырские. Поэтому их редкие самоидентификации писцов не являются репрезентативной базой для выводов о социальном статусе всех книгописцев.

Тем не менее, семьи белого духовенства были той средой, которая поставляла кадры писцов: согласно «Уставу новгородского князя Всеволода Мстиславовича» XIII в., отступлением от общепринятой нормы («изгоем») мыслился тот «попов сын», что «грамоты не умеет». Иными словами, не владеющие чтением и письмом сыновья священников выпадали из социальной жизни древнерусского общества. Именно этими умениями большинство из них могло прокормить свою семью, поскольку служить в приходе отца все многочисленные сыновья священника не могли. Численность подобных светских профессионалов в крупных городах была немалой, и ремесленное производство книг там могло быть массовым. Палеографический и кодикологический анализ дошедших до нас полных рукописей свидетельствует о создании их ремесленниками-профессионалами, трудившимися чаще всего по двое или в одиночку. Их работа могла идти при церквях, особножительных монастырях, в своих домах. При переписке редкого текста писцы работали в библиотеке, где хранилась рукопись. Отдельные книжники имели доступ к великокняжеской библиотеке. Существование роскошных кодексов говорит о совместной работе писцов-каллиграфов и художников-декораторов с подмастерьями. Употребленный в Остромировом Евангелии термин «златописец» был калькой с греческого «хризограф» и означал не просто писца золотых заголовков, но художника. Возможное участие одного из писцов Остромирова Евангелия в оформлении

первых листов Изборника 1076 г. свидетельствует о том, что почерки придворных каллиграфов не менялись на протяжении двадцати лет. На материале высокостатусных кодексов мы зафиксировали существование традиции приглашать специального каллиграфа для выполнения первых листов или тетрадей кодекса.

Визуально определяемая, четкая система организации письма под началом протокаллиграфа была обнаружена нами лишь в одном случае – в Учительном Евангелии (ГИМ, Син. 262) В его создании приняло участие беспрецедентно большое число копиистов – 13. Высочайший статус рукописи со златописным фронтисписом; огромный штат переписчиков; роскошный пергамен; раскрой, маркировка тетрадей и разлиновка листов по схожим правилам; наличие организатора работ; равный объем работы (три тетради), у каждого из восьми основных писцов; участие высокопрофессионального художника-златописца – все это могло бы свидетельствовать о деятельности крупнейшего, возможно великокняжеского, централизованного скриптория. С другой стороны, 13 писцов демонстрируют в своей работе серьезные различия – существенный разрыв в качестве профессиональной подготовки и даже ее отсутствие, недопустимые в одной мастерской; различные графико-орфографические правила; использование разного качества пергамента и разных типов разлиновок; украшение текста силами каждого писца, а не единого декоратора; отсутствие заставки в силу отсутствия художника-декоратора. Это позволяет предположить, что данное беспрецедентно большое и неоднородное объединение исполнителей могло быть временным, созданным под срочный крупный заказ. Этот вывод подтверждают другие его рукописи, созданные отдельными писцами из этого коллектива, труд которых был организован иначе.

Другой тип мастерский представлял т.н. «Лазаревский скрипторий». Анализ безусловно принадлежащих ему 9 рукописей показал, что в их создании принимало участие не 12 писцов, а две пары основных писцов и 3

второстепенных. Основные пары писцов работали в разное время в течение 1-й четверти XII в. Один из них – Домка – со временем, вероятно, вышел из числа работников этого скриптория и стал выполнять самостоятельные заказы, деля их с разными переписчиками. На первом этапе в скрипторий приходили ученики, не владеющие профессиональными навыками. Их деятельность проходила под руководством опытного писца-каллиграфа. Книги создавались как для церкви св. Лазаря, так и на заказ; часть из них использовалась для копирования в самом скриптории. Вероятнее всего, книгописная мастерская была организована при церкви св. Лазаря, при которой также существовал небольшой особножительный монастырь [Уханова 2017].

Источники

Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. (РНБ, Ф.п.1.5).

Изборник 1076 г. (РНБ, Эрм. 20).

Синайский патерик, конец XI – начало XII в. (ГИМ, Син. 551).

Толстовская псалтирь, рубеж XI–XII вв. (РНБ, Ф.п.1.23).

Евангелие учительное Константина Преславского, начало XII в. (ГИМ, Син. 262).

Мстиславово Евангелие, 1103–1113 г. (ГИМ, Син. 1203).

Литература

Бобров 2001 – *Бобров А.Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси. Северно-русские монастыри. СПб., 2001.

Столярова 1999 – *Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города: XI–XVII вв. М., 1999.

Уханова 2017 – Уханова *Е.В.* Древнерусские скриптории XI – 1-й трети XII в.
СПб., 2017.

Альберто Альберти
(Италия)

**Филологическая деятельность
тырновских книжников XIV века и восстановление
кирилло-мефодиевского наследия**

В докладе рассматривается богатое книжное наследие эпохи царя Ивана Александра (1331-1371). Исследователи обыкновенно толкуют деятельность «Тырновской книжной школы» как плод некоторого «покровительства книжности» со стороны царской семьи и правящих классов того времени. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что типология и конкретное содержание текстов, написанных в течение четырех десятилетий царства Ивана Александра, ясно показывают стремление к восстановлению кирилло-мефодиевского наследия, т.е. «славянских» и монашеских корней книжной культуры: в действительности, последние десятилетия Второго Болгарского Царства отличаются именно диалектикой между этим «возвращением к прошлому» и влиянием современной византийской культуры.

Ирена Шпадијер
(Србија)

Функционалност српске књижевности XIII века – хагиографски и химнографски списи посвећени светом Симеону

Српска књижевност XIII века углавном је посвећена прослављању двојице првих српских светих – светога Симеона Мироточивог и светога Саве. У овом раду бавићемо се саставима посвећеним светом Симеону. Списак преписа треба да послужи као увод у сагледавање распрострањености и рецепције дела, преваходно са аспекта њихове функционалности у ужем, литургијском и ширем, књижевном и културном контексту.

I

ЖИТИЈА СВЕТОГ СИМЕОНА – ПРЕПИСИ

Свети Симеон Мироточиви добио је током XIII столећа три житија – из пера светога Саве (око 1207), Стефана Првовенчаног (завршено после 1216) и Доментијана (1264).

Настарије Житије светога Симеона јесте ктиторско житије које је, као прву главу Студеничког типика саставио свети Сава. Оно је сачувано само у једном препису, из 1619. године, Цароставнику манастира Студенице (IX Н 8, Š 8). Рукопис је млађи четири века од свога протографа [Шпадијер и др.: 85–89; Јовановић 1998: 148-191].

Млађе Житије светога Симеона, чији је аутор првовенчани српски краљ Стефан до скоро је у целини било познато само према рукопису из друге деценије XIV века (Slave 10) [Јухас, Јовановић 1999]. Део Житија, (првих тринаест глава) налази се у Горичком зборнику, који је Никон Јерусалимац саставио за Јелену Балшић 1441/1442. (САНУ 446) [Богдановић 1970: 372–380]. Почетком XXI века пронађен је још један целовит опрепис Стефановог Житија светога Симеона (Панов 9) и он потиче из средине XV столећа [Јовановић 2011].

Најмлађе, Доментијаново Житије светог Симеона [изд. Даничић 1865: 1–117], сачувано је у релативно великом броју преписа. Њих је, колико нам је досад познато, дванаест:

1. Рукопис из треће четвртине XIV в. који, поред Житија светог Симеона, садржи и Хиландарски типик – Одеса 1/197 (536).
2. Зборник српских житија таха монаха Марка, из седамдесетих година XIV в. који, поред дела Доментијана и Теодосија, такође садржи Хиландарски типик (НБС 17).
3. Конволут – у првом делу из осамдесетих–деведесетих година XIV в. налазе се, поред Доментијановог списка, и одломци из Хиландарског типика, као и Теодосијева Похвала светима Симеону и Сави (MS sl. 134).
4. Препис из 1475–1500, тзв. „Шафариков рукопис“ – IX F 7 (Š 25).
5. Препис из 1600–1610, тзв. „Даничићев рукопис“, (Cod. slav. 57).
6. Антонијев препис из 1643, писан у светогорском скиту Свете Ане (Chil 509).
7. Конволут у чијем се првом делу налазе Теодосијева дела, а у другом Доментијанова, исписао га је 1663. Јефтимије расодер на Светој Гори (Cod. slav. 25).
8. Препис попа Гаврила Житомислићанина из 1670. године (Chil 250).
9. Препис из 1780, тзв. „Карловачки рукопис“ (ПБ 89).
10. Рукопис из 1780 – IX F 1 (Š) [. Vašica, Vajs 1957: 206–207, бр. 105; Шпадијер и др. 2015: 44–46, бр.10].
11. *Србљак* с краја XVIII века (Chil 505) [Шпадиер 2018].
12. Скраћена верзија Доментијановог Житија светог Симеона, из 1788. (Chil 787).¹

СЛУЖБЕ СВЕТОМ СИМЕОНУ – ПРЕПИСИ

¹ О наведеним рукописима, изузев преписа под бр. 10, вид. детаљније описе, са литературом: [Јухас-Георгиевска 2003: 125-156].

Литургијско прослављање светог Симеона Српског започело је саставом светога Саве из првих деценија XIII века. Последњих деценија тога столећа Теодосије Хиландарац саставио му је нову службу и неколика химнографска дела (заједнички канони) у којима се он прославља скупа са сином Савом [Србљак I 1970]. Овом приликом размотрићемо само Савину и Теодосијеву службу светом Симеону.

Савина Служба светом Симеону позната је према неколико преписа:

1. Најстарији препис у Празничном минеју из средине XIII в. (САНУ 361) [Ковачевић 1957: IX, СХСХV].
2. Минеј служабни за децембар–фебруар из двадесетих–тридесетих година XIV в. (Пантелејмон 11) [Tachiaos 1981: бр. 11].
3. Минеј служабни за фебруар–март, из средине XVI в. (MSD 538/1) [Наумов 1987].
4. Минеј служабни за фебруар из 1608. (НБКМ 141) [Цонев 1910: 100–101].
5. Минеј служабни за фебруар из тридесетих година XVII в. (ЦИАИ 89) [Спространов 1900: 134; Шпадијер 2016].

Теодосијева Служба светом Симеону има богату рукописну традицију – познато је више од тридесет преписа. Наводимо само најстарије, из XIV века [Шпадијер 2005]:

1. Конволут, у делу из 1350/60. налази се Служба Симеону (Пљевља 109).
2. *Дамјанов октоих* из средине XIV в. – садржи први канон из Теодосијеве Службе светом Симеону (Chil 126).
3. Триод и празнични минеј (за фебруар–август) из последње трећине XIV в., конволут, Служба се налази у другом делу (Chil 254).
4. Минеј служабни за фебруар из 1380/90. (САНУ 11).
5. Минеј за фебруар из последње деценије XIV в. (Slave 21).

II

Савино Житије светога Симеона прво је дело тога жанра у српској књижевности. Сведеног је обима и подређено је оквирима шире целине, тако да нема типичну композицију византијске хагиографије. Нарација се усредсређује превасходно на два најважнија момента у животу главног јунака – Симеоново (Немањино) одрицање од престола (замонашење) и његову смрт. Дело карактерише лични ауторов тон, а главна његова функција у складу је са непосредним контекстом у коме се налази (Типик манастира Студенице). Спис је намењен братству манастира којем је Симеон био ктитор и у којем почивају његове мошти. За разлику од првог, Стефаново Житије требало је да послужи ширем утемељењу култа оснивача светородне династије. То је пространа хагиографија са свим елементима житијне композиционе схеме (пролог, развијен историјски део, похвала и чудотворења светога). У делу се инсистира на Немањиним војничким успесима и његовој бризи за потомство и свој народ, која се очитује особито у његовим посмртним чудима [Marjanović-Dušanić 2011]. Треће, најобимније, Доментијаново Житије светога Симеона, које је написано по налогу краља Уроша сасвим је другачије конципирано. Настало је на традицији претходних дела српске и словенске књижевности. То је сложена компилација, својеврстан мозаик састављен од Доментијановог Житија светога Саве и Стефановог Житија светога Симеона, али и Слова о закону и благодати кијевског митрополита Илариона [Петровскій 1908; Хафнер 1984; Дзиффер 2013]. Преузимања из ових дела, особито из Житија светога Саве и Стефановог дела, наизменице се смењују и Доментијан врло вешто уклапа старије саставе творећи једну нову и функционалну целину.

Већ је Стефаново дело, за разлику од Савиног, било намењено једном ширем и другачијем кругу реципијената. Доментијаново Житије светога Симеона отишло је у том правцу још даље. Оно је својим обимом, асоцијативношћу и реторичношћу представљало својеврсну ризницу не само

„знања“ о оснивачу светородне династије него и библијских паралела и теолошких рефлексија и, уз то, својеврсни компендијум дотадашњег словенског књижевног стварања. Број сачуваних преписа речито о томе сведочи.

Савина Служба светом Симеону, иако сачувана у малом броју примерака, показује велику варијантност – преписи се међу собом разликују по структури и обиму и показују најмање две редакције службе, а постојање раног преписа из манастира Светог Пантелејмона, са траговима старе организације текста, упућује, можда, и на засебну варијанту, која по структури спада у најстарије верзије. Млађи споменици, пак, чувају старије стање и првобитно, заједничко прослављање Мартинијана и Симеона. Поједина „проширења“ у препису службе из двадестих–тридесетих година XIV столећа (Пантелејмон 11), упућују на то да је реч о саставу старијем од оног из најстаријег преписа из средине из XIII столећа (САНУ 361).

Теодосијева Служба светоме Симеону по структури је „јерусалимска“: има малу и велику вечерњу са паримијама, агрипнијом и јутрењем на коме се са канонем Богородици укрштају два канона посвећена Симеону. Она је настала као последица увођења у српско богослужење Јерусалимског типика, који, иако одраније у употреби на Светој Гори, тек почиње да се примењује на територији Српске цркве. Теодосијева „јерусалимска“ Служба истиснула је из богослужења Савино дело, што се очитује и вишеструко већим бројем њених преписа.

Таква ситуација – много скромнији литургијски „живот“ Савине Службе у односу на далеко распрострањенију Теодосијеву сложену аколутују – показатељ је функционалности богослужбене поезије и њене литургијске праксе. Савино дело „преживело“ је у оним каснијим преписима који су настајали на периферији, а не у централним областима српске писмености и црквеног живота.

Извори

Рукописи:

IX F 1 (Š), IX F 7 (Š 25), IX H 8 (Š 8) – Народни музеј, Шафарикова збирка, Праг

Cod. slav. 25, Cod. slav. 57 – Аустријска национална библиотека, Беч

MSD 538/1 – Metropolitane Seminarium Duchowne, Лублин

Ms sl. 134 – Библиотека Румунске академија наука, Букурешт

НБКМ 141 – Народна библиотека Кирил и Методиј, Софија

НБС 17 – Народна библиотека Србије, Београд

Одеса 1/197 – Универзитетска библиотека, Одеса

Пантелејмон 11 – Манастир светог Пантелејмона, Света Гора

Панов 9 – Збирка П. Панова, Софија

ПБ 89 – Библиотеке Српске патријаршије, Београд

Пљевља 109 – Манастир Свете Тројице, Пљеваља, Црна Гора

САНУ 11, САНУ 361, САНУ 446 – Архив Српске академије наука и уметности, Београд

Slave 10, Slave 21 – Национална библиотека Француске, Париз

Chil 126, Chil 250, Chil 254, Chil 505 Chil 509 Chil 787 – Манастир Хиландар, Света Гора

ЦИАИ 89 – Црквено-историјски и архивски институт, Софија

Издања:

Даничић 1865 – Доментијан. Живот светог Симеуна и светог Саве. Издао Ђ. Даничић. Београд 1865.

Јовановић 1998 – Свети Сава. Сабрана дела. Прир. Т. Јовановић. Београд 1998.

Јовановић 2011 – Јовановић Т. Житије светог Симеона Стефана Првовенчаног према препису средине XV века // Археографски прилози 33. 2011. С. 103-192.

Јухас, Јовановић 1999 – Стефан Првовенчани. Сабрана дела. пр. Љ. Јухас-Георгиевска и Т. Јовановић. Београд 1999.

Србљак I 1970 – Србљак. Службе, канони, акатисти. Прир. Ђ. Трифуновић, прев. Д. Богдановић, Књига прва. Београд 1970.

Литература

Богдановић 1970 – *Богдановић Д.* Горички зборник // Историја Црне Горе, Књ. 2, Од краја XII до краја XV вијека, Том II, Црна Гора у доба обласних господара. Титоград 1970. С. 372–380.

Vašica, Vajs 1957 – *Vašica J., Vajs J.* Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze. Praha 1957.

Дзиффер 2013 – *Дзиффер Дж.* Язык и стиль слова «О законе и благодати» // Ученые записки Казанского университета. Т.155.кн.5. 2013.С. 7–16.

Јухас-Георгиевска 2003 – *Јухас-Георгиевска Љ.* Живот светог Саве од Доментијана. Историја текста. Београд 2003.

Ковачевић 1957 – *Ковачевић Б.* Архив Српске академије наука у Београду. Збирка рукописа и старих штампаних књига, Архивист, 1957, 3–4, Додатак, С. IX, СХСV.

Marjanović-Dušanić 2011 – *Marjanović-Dušanić S.* La réécriture hagiographique: usages et fonctions dans la Serbie medieval // Remanier, métaphraser fonctions et techniques de la réécriture dans le monde byzantine. éd. par S. Marjanović-Dušanić et V. Flusin. Belgrade 2011. P. 163–180.

Наумов 1987 – *Наумов А.* Служба као жанр // Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења, 16, Београд 1987, С. 5–18.

Петровскій 1908 – *Петровскій М. П.* Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, и Доментіанъ, іеромонахъ Хиландарскій // Извѣстія ОРЯС. 1908. XIII. С. 81-133.

Спространов 1900 – *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Св. Синод на Българската църква в София. София 1900.

Tachiaos 1981 – *Tachiaos A.–T. N.* The Slavonic manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mont Athos, Thessaloniki, Los Angeles 1981.

- Хафнер 1984 – *Хафнер С.* Доментијан и Слово о закону и благодети митрополита кијевског Илариона // Глас САНУ 340. 1984. С. 61-76.
- Цонев 1910 – *Цонев Б.* Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. Т. 1, София 1910.
- Шпадијер 2005 – *Шпадијер И.* Најстарији преписи Теодосијеве Службе светом Симеону Мироточивом // Старобългарска литература. кн. 33-34. София 2005. С. 100–105.
- Шпадијер 2016 – *Шпадијер И.* Најмлађи препис Службе светоме Симеону од светога Саве // Стефан Немања – преподобни Симеон Мироточиви. ур. М. Радужко. Беране – Београд 2016, 395–403.
- Шпадиер 2018 – *Шпадијер И.* Антологически состав хиландарской рукописи № 505 // Българско царство. Сборник в чест на 60-годишнината на доц. д-р Георги Н. Николов. от ред. А. Николов. София 2018. С. 815–827.
- Шпадијер и др. – *Шпадијер И., Тријић В., Ракић З., Ранковић З.* Српске рукописне књиге у Чешкој. Београд 2015.

Функциональный сдвиг в церковнославянской гимнографии: службы Сербляка

В последнее время стало очевидно, что кроме переводной и оригинальной церковнославянской гимнографии существует также немало служб средней степени оригинальности, возникших в результате вторичного функционального сдвига созданных ранее произведений византийского и славянского происхождения: их текст менял свою первоначальную функцию благодаря переадресовке иным святым или даже целым ликам, сопровождавшейся более или менее значительной переработкой исходного текста (как минимум заменой имен).

В докладе рассматривается Служба сербским просветителям (30 августа) в составе Сербляка (1861, 1986), приписываемая белградскому митрополиту Михаилу (1826–1898)¹, Эту атрибуцию нельзя считать надежной, поскольку соответствующий праздник соборно установлен в Сремских Карловцах еще в 1769 году. Служба впервые опубликована в осуществленном митрополитом Михаилом издании Сербляка 1861 года и без особых изменений перепечатана в Сербляке 1986 года [Србляк].

Указанная служба состоит в основном из песнопений, заимствованных из более ранних церковнославянских гимнографических произведений, переводных и оригинальных (древнерусских). В литературе уже упоминалось, что основными источниками этой сербской службы явились русские гимнографические тексты: каноны Никите Новгородскому, сочиненные игуменом Хутынского монастыря Маркеллом Безбородым в 1557–1558 годах, и служба московским святителям, составленная Симеоном

¹ Подробнее о происхождении службы см.: [Gil 1995, 98–102].

Шаховским около 1620 года [Смирнова 2005: 23–24], однако детали остаются неясными. Теперь они исследуются более подробно.

Так, первый канон (8-го гласа) и ряд стихир этой сербской службы заимствованы из семантически весьма близкой русской службы Семеона Шаховского на Собор святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, всея России чудотворцев (5 октября), в которую позже были добавлены имена Филиппа и Ермогена. Из этого же источника заимствованы и иные песнопения сербской службы: стихиры на Господи, возвах (глас 4), по 1-й кафизме седален (глас 3), по полиелеи седален (глас 4), по 50-м псалме стихира глас 6), седален (глас 4), кондак (глас 3) с икосом, на хвалитес стихиры (глас 8).

Второй канон (также 8-го гласа) также состоит из заимствованных песнопений. Первый тропарь 1-й песни основан на 3-м тропаре 1-го канона (8-го гласа) службы Всех преподобных отцев, на святей горе Афонстей просиявших (исполняется во 2-ю неделю по Пятидесятнице, но печатается как приложение к майскому тому московских миней), написанной Никодимом Святогорцем (1749–1809). Несколько тропарей заимствовано из 2-го канона 8-го гласа (авторства Иоанна Евхаитского) из переводной Службы трем святителям Григорию Богослову, Василию Великому и Иоанну Златоусту (30 января). Еще несколько тропарей восходят к переводному канону 4-го гласа Феофана Начернанного из Службы св. Макарию Египетскому (19 января). Начиная с 5-й песни, все тропари заимствованы из двух канонов (3-го и 7-го гласа) древнерусской службы св. Никите († 1108), епископу Новгородскому (31 января), составленной Маркеллом Безбородым.

Использованные при составлении сербской службы песнопения посвящены святителям и преподобным. При заимствовании они подвергались редактированию, хотя и неравномерному для разных песнопений. В рассмотренном материале (за пределами которого остались

большинство стихир данной службы) выявлено всего три тропаря (принадлежат 2-му канону), которые могут быть оценены как оригинальные.

Выявленные гимнографические источники позволяют предполагать, что служба сербским просветителям создавалась в два этапа. Первоначально она состояла лишь из песнопений, заимствованных из русской службы московским святителям (1-й канон и минимально необходимый комплекс стихир), а позже к ним были добавлены гимны, почерпнутые из иных источников (2-й канон и, видимо, большинство стихир). Лишь для второго хронологического слоя характерны особые черты: а) песнопения взяты из разных гимнографических композиций; б) практически все источники (кроме 1-го тропаря канона) принадлежат январской служебной минее; г) лишь здесь присутствуют оригинальные песнопения, хотя и редкие.

Данная гимнографическая композиция является ярким примером функционального сдвига церковнославянских гимнографических текстов и значительным памятником русско-сербских культурных контактов в области церковной литературы середины второй половины XVIII–XIX века. Ее вполне можно рассматривать в качестве своеобразного продолжения 2-го восточнославянского влияния на южнославянскую книжность конца XV–1-й четверти XVIII века.

Источники

Србљак, Београд, 1986.

Литература

Смирнова 2005 – *Смирнова А.Е.* Творчество гимнографа XVI века Маркелла Безбородого: Автореферат... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2005.

Gil 1995 - *Gil D.* Serbska hymnografia narodowa, Kraków, 1995.

Игорь Климов
(Беларусь)

**Православный ответ на вызовы Реформации и Контрреформации:
украинско-белорусский печатный сборник в составе Псалтыри
и Нового Завета (конец XVI – 1-я треть XVIII вв.)**

Наступление Реформации, а затем и Контрреформации стало серьезным вызовом для православных сообществ Восточной Славии XVI–XVII вв., находившихся в составе Речи Посполитой. Новые идеи и практики, шедшие с Запада, привели к усилению в обществе роли Священного Писания и увеличению каналов самостоятельного доступа к нему. Такие новации, по-видимому, воспринимались в традиционных конфессиях, вроде православия, как своего рода вызов. Ответом на него стал печатный сборник, состоящий из Псалтыри и Нового Завета на церковнославянском языке. Примечательно, что до того сборник подобного состава не был известен ни у православных славян, ни в Западной Европе. В книге объединились основные части Библии, отражающие как доктринальную сущность христианства (Новый Завет), так и его культовый аспект (Псалтырь). Благодаря наличию лекционной разметки и лекционных таблиц издание могло использоваться как для индивидуального чтения, так и для богослужения (например, в бедных, периферийных церквях); имея отдельную фолиацию для каждой части библейских книг, оно также могло разматываться, и каждая его часть была способна существовать самостоятельно. Поэтому в нынешних книгохранилищах сборник чаще всего представлен отдельными частями, либо как Псалтырь, либо как Новый Завет.

Впервые такая книга была выпущена форматом 8° в Остроге в 1580 г., в связи с изданием монументальной Острожской Библии, видимо, как часть грандиозного издательского проекта, финансируемого князем Константином Острожским. Библейский текст в сборнике был перенесен из

служебных изданий Тетроевангелия, Апостола и Псалтыри того времени, а текст Апокалипсиса заимствован из Острожской Библии. Издание пришлось по вкусу покупателям и было взято на вооружение книгоиздателями. Сборник неоднократно переиздавался в Беларуси и Украине, но не в Московии (России), где он только распространялся и использовался.

Можно насчитать девять изданий сборника, которые печатались в разных типографиях Беларуси и Украины двумя форматами:

- 1) Острог, типография кн. К. Острожского, 1580, формат 8°;
- 2) Вильно, братство, около 1596 г., формат 8°;
- 3) Евье, братство, 1611, формат 4° (маргиналии и аргументы);
- 4) Вильно, братство, 1623, формат 8°;
- 5) Вильно, братство, 1641, формат 8°;
- 6) Кутейно, монастырь, 1652, формат 4° (маргиналии и аргументы);
- 7) Киев, Лавра, 1658, формат 8°;
- 8) Киев, Лавра, 1692, формат 4°;
- 9) Киев, Лавра, 1732, формат 4°.

Появление на восточнославянской почве сборника подобного содержания, не связанного с местной традицией, позволяло издателям вводить новации как в библейский текст, так и в его сопровождение. Уже в 3-м издании на полях были помещены маргиналии (а в библейском тексте – аргументы: краткое содержание глав) на местном народном языке Беларуси и Украины – *руськой мове*. Это придало сборнику двуязычный характер и пасторальное, дидактическое звучание (издания 1611 и 1652 гг., которые из-за этого пришлось выпустить увеличенным форматом 4°). Автором этих маргиналий (а также, возможно, и аргументов) выступил Мелетий Смотрицкий, который частично ориентировался на польский кальвинистский перевод Брестской (Радзивилловской) Библии 1563 г., а частично на различные церковнославянские источники. Также в 3-м издании были внесены некоторые небольшие, но важные изменения в библейский

(церковнославянский!) текст (например, добавлена *comma johanneum*), отражающие преимущественно западную традицию. Все это свидетельствует о высоком уровне теологической и филологической мысли восточных славян того времени. Любопытно отсутствие реплик на этот сборник как в западной традиции (католической, униатской, протестантской), так и в восточной (московской, или российской).

Рассмотренный сборник, с одной стороны, демонстрирует местную инициативу, а с другой, служит примером западного влияния. По-видимому, инициаторами этого издания выступили белорусские и украинские интеллектуалы Острога и Вильно, которые стремились к некоторой «модернизации» традиции за счет привнесения в нее отдельных западных элементов. Эти «вестернизированные» круги считали необходимым и полезным использование форм и достижений западного христианства в целях усиления религиозности как низового духовенства, так и верующих. Эти устремления явно находили отклик среди населения, поскольку сборник, выдержав девять изданий, просуществовал почти два столетия. Поэтому неслучайно, что он поспособствовал включению отдельных западных элементов в православную традицию.

Наталья Запольская
(Россия)

**«Скрытая» лексикография: кодификация лексики
в церковнославянских грамматических сочинениях XVI-
начала XVIII вв.**

Обусловленный гуманистической традицией, грамматический подход к церковнославянскому языку [Живов 1993: 106-120] в XVI-XVII вв. определил не только появление и распространение разножанровых грамматических сочинений, но и задал особое направление лексикографии: наряду со свободным сосуществованием в сборниках словарного и грамматического материала происходило введение словарного описания в границы грамматических текстов. Исследование словарных материалов, «скрытых» в грамматиках, показало, что они различались по *функции* (конвой грамматики / часть грамматики), по *форме* (словарный свод / словарная статья), по *цели* (фиксация значения / дифференциация значений), по *составу лексики* (имена существительные: собственные / и нарицательные // разные части речи), по характеру *лингвистической информации* (указание: значения / значения и языковой принадлежности), по характеру *экстралингвистической информации* и форме ее подачи (указание: авторитетного текста / метатекста; отсылка / цитирование), по *технике оформления* (пометы и отсылки: в тексте / вне текста; виды сокращения). Формально-функциональные параметры позволяют выделить и проанализировать три типа презентации лексики в рамках грамматических сочинений: словарный свод как конвой грамматического описания, словарный свод как часть грамматического описания, словарная статья как часть грамматического описания [Запольская 2016].

Словарный свод как конвой грамматического описания представлен словотолковником **Слослѡвіе ѿмѣнь по ѡзъ вѣди, стѣхъ соѹщихъ въ свѣ**

тцахъ, с толкованіи словѣнска ꙗзыка. Тематически ограниченный ономастикон, приписываемый Максиму Греку, вошел в Юго-Западной Руси в словарь Памвы Беринды 1627 г. (*Лежікѡнъ славенорѡсскій, ѡ ѡименъ тлъкованіе*, Киев, 1627), а в Московской Руси вместе с грамматической статьей *Нѣкоегѡ вопросівшегѡ съ люботроуднымъ тцаніемъ, мажіма ѡнока стѣла горы, ꙗже ѡ грамматікѡи, ѡ риторікѡи и философіи...* в приложение к переизданной в 1648 г. грамматике Мелетия Смотрицкого (*Грамматика*. Москва, 1648), позже, в 1782 г., он был опубликован в Москве как раздел «Беседования Максима Грека. О пользе грамматики» [ср.: Алексеев 1968: 40; *Грамматика 1648/2007*: 593-597]. Способы толкования собственных имен в этом метатексте различались в зависимости от лексикографической традиции: фиксация значения (*ѡвраѡмъ, ѡтець многѡхъ нарѡдовъ* л.361), фиксация значения и языковой принадлежности (*ѡванъ, ѡврейски благадѡть гдѡна* л. 367, *кѡнстантѡнъ, латѡнъ твѣрдъ* л.368), фиксация значения и указание в текстовой отсылке авторитетного источника, содержащего информацию о носителе имени (*дѡвѡдъ, дѡвѡль рѡкѡю, ѡли крѡтость, возлюбленныи. ѡ, цѣртьво зѡи . /1 кн. Царств: 16 – возвышение Давида/. л. 363*). В ряде случаев само толкование имени выявляло языковые особенности данного словарного опыта и показывало текстологическую традицию: *Петръ, ѡпока ѡ ѡпоки* (л.370 об.) вместо традиционного перевода **камень**.

Словарный свод как часть грамматического описания демонстрирует **Кнѡга глѡмага бѡквы граммѡтѡчнаго ѡѡченіа**, находящаяся в составе грамматического ¼сборника 20-х гг. XVII в. [*Грамматический сборник 2002*: 57–113]. Этот метатекст представляет собой выстроенный по алфавитному принципу перечень грамматических и лексических синонимов и омонимов, т.е. он направлен не на объяснение значений отдельных слов, а на объяснение

отношений между значениями форм или отношений между значениями слов. В зависимости от функционального статуса слов объяснение их значений поддерживалось или не поддерживалось отсылками к авторитетным источникам – текстам и метатекстам: а) *Целова́ніе* и *лобза́ніе*, и́но еѣ и́но. *целова́ніе* нари́чѣтсѧ еѣ рещи́ комѸ раѡѸисѧ, *лобза́ніе* же еѣ оустнаѣ когò лоб'зати, и́ли ѡѣм'шѸ рѡкама, и́ли не ѡѣм'шѸ /кориѣ – 1 Кор. 16:20, 2 Кор. 13:12/ *Июда* же предатель обоѣ хѣѸ бѣоу сотвори. Пѣрвое бо пришеѡ, и́ *Ѱдалѣча* стòѧ рече хѣѸ, раѡѸисѧ оуѣтѣлю. потоѣ пристѸпль ко хѣѸ лобза̀ егò оустнаѣми (л.54); б) *Зракъ* и́ *дѡбра*̀ е́дино е́ста. *лицѣ* же и́ *вѣдъ*, по ѡсмомчастію и́но и́но /* трактат ѡ̀ ѡсми́ частехъ слѡва/(л. 36 об.), в) *Гра́дъ* с' дождеѣмъ сходя́щїи леѡ, *гра́дъ* го́родъ (л.46).

Словарная статья, инкорпорированная в текст грамматического трактата Федора Поликарпова 20-х годов XVIII в., представляет особый интерес, поскольку она выполняла роль объяснительной модели не для фактов языка-объекта, а для фактов метаязыка [Техноло́їа 2002]. Дифференциация паронимов *оустнѣ* / *уста* посредством объяснения значений и приведения цитат из библейских текстов (Пс. 50:17, Пр. 10:31, 15:7) оказалась необходимой для правильного понимания описания артикуляции звуков: *ѡ* произноситсѧ гортанію и́ устнами, то е́сть гѡбами, а *ѡ* прижатіемъ ѡзыка кверхниѣмъ зѡбамъ, то е́сть устами и зѡбами. Что называютсѧ *уста*, и́ что *устнѣ*; *Оустнѣ* разѡмѣютсѧ (Ѱ сегѡ двѡва моленія еѣже: Гѣди оустнѣ мои Ѱверзеши, и́ уста мои возвѣстатъ хвалѸ твою *Пс.50:17) гѡбы, *уста* же ѡзыкъ сприлѡжайшими к силѣ гла́нїѧ, егò члены. Понеже когда Ѱверзѡтсѧ устнѣ, то е́сть гѡбы, тогда свободно могѸтъ и́ усты то е́сть ѡзыкъ вѣщати и́ оу соломона зриѣтсѧ уста праведнаго каплютъ премѡдрость, оустнѣ же мѡжей мѡдрыхъ вѣдятъ блѡгѡть (Пр. 10:31-32), ѡки бы рекѡтъ: ѡзыкъ праведнагѡ мѡдрагѡ глѣтъ, а

ГЪБЫ МЪДРЫХЪ МЪЖЕЙ ВЪДАЮТЪ ГДѢ МОЛЧАТЬ, И ГДѢ **Ў**ВЕРЗЕНЫМЪ БЫТИ [Технологія 2002: 159].

Словарные «включения» в грамматики и собственно словарные труды, истолковывая в разном формате и с опорой на разные источники значения одних и тех же слов, корреспондировали друг с другом и дополняли друг друга:

	ДХОВЕНЪ / ДУШЕВЕНЪ	
Максим Грек. Перевод Лексикона Свиды	Книга ꙗвлѣмая алфавитѣ, содержащия в себѣ тоꙗкова ни не ѹдо ^б разꙋмеваемыхъ речен...	Книга ꙗвлѣмаѧ бѣквы граммотичнаго оꙋчѣнїѧ
<i>Душевен</i> человек – от души и тела сложен человек. Егда убо дает что угодно Богу, <i>духовен</i> именуется, а не душевен от души, но от иныя большиа чести, сиречь духа действия... [Буланин 1984:152].	ДХОВЕНЪ е ^с тъ, иже не токмо не обиди ^т никого, но и самъ о ^т инѣхъ всякꙋ скорбь, и напасть желаетъ ꙗ ради радостною душею претерпѣти, сицевыхъ писание преп^бными , сице творяше дв ^а цр ^ь , тѣм же и дерзновенно глаше къ бг ^ꙋ , вопия: сохрани дшю мою, зане препдвенъ есмь; ДШЕВЕНЪ е ^с тъ, иже никого* не обиди ^т , ни са ^м обиды о ^т инѣхъ терпи ^т ... тѣм же таковии праве^нни наричю ^т ся... [Ковтун 1989:182].	ДХОВЕНЪ и ДШЕВЕНЪ , ѡно с ^ѣ тъ и, ѡно: ДХОВЕНЪ е ^с тъ и* по бзѣ живетъ, а ДШЕВЕ^н , иже по плотъ живетъ /ев ^т , в'налю, и ап ^т лъ/ [Грамматический сборник 2002: 57-113].

Лексика, кодифицированная в словарных частях, входила в общий лексический фонд грамматик наряду с базовой лексикой, являвшейся иллюстративным материалом морфологического и синтаксического описания. При этом в самом отборе иллюстративной лексики прослеживалась интерпретативная связь с авторитетными текстами культуры, определившими теологический характер лингвистической рефлексии. Так, грамматический трактат «**Преп^бнаго и бг^оноснаго ѡца нашего Иоанна Дамаскина сказанїе ѡ ѡсми частехъ слова по вопросомъ **Ў**вѣты**», вероятно, приписывался

славянскими книжниками Иоанну Дамаскину потому, что был построен на грамматическом разборе слов, составлявших тематическую основу «Богословия» Иоанна Дамаскина [Keipert 1999]: богъ, штьць, сынъ, доухъ, светъ, господь, аггелъ, чловѣкъ, Петръ, Павль, въздохъ, вѣтръ, мѣсець, троица светаа, богородица, дѣва, доуша, лоуна, земля, вода, кстьство, соущество, царство, владычество, небо, чловѣчество... [Ягич 1896].

Являясь отражением духовного, исторического и эмпирического опыта носителей языка, кодифицированная грамматиками лексика формировала коллективную «когнитивную память», одним из способов реконструкции которой может стать составление «Словника-индекса церковнославянских грамматик XVI- начала XVIII вв.».

Источники

Грамматика 1648 г. // Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е.А.Кузьминовой. М., 2007.

Грамматический сборник 1620 г. // Издание и исследование Е. А. Кузьминовой. Napoli, 2002.

Технолоіа Искусство грамматики. // Издание и исследование Е.Бабаевой. М., 2002

Литература

Алексеев 1968 – *Алексеев М.П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968.

Буланин 1984 – *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Живов 1993 – *Живов В.М.* Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV-XVII вв. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993.

- Запольская 2016 – *Запольская Н.Н.* «Скрытая» лексикография: кодификация лексики в церковнославянских грамматиках XVI–XVIII вв. // в сборнике «*ElManuscript. Textual Heritage and Information Technologies* (Письменное наследие и информационные технологии)», Вильнюс. 2016. с. 152–157.
- Ковтун 1989 – *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI-XVII вв. Старшая разновидность. Л, 1989.
- Ягич 1896 – *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. Berlin, 1896.
- Keipert 1999 – *Keipert H.* Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile || *Zeitschrift für slavische Filologie*. Bd. 58, 1. Heidelberg 1999. S. 19-42.

Сведения об авторах

Альберто Альберти – доктор наук (славистики), старший научный сотрудник Отделения современных языков, литератур и культур Болонского Университета.

a.alberti@unibo.it

Марчелло Гарзанити – доктор Восточных церковных наук, орд. профессор, заведующий кафедрой славянской филологии Флорентийского университета, председатель Библейской комиссии при Международном комитете славистов.

marcello.garzaniti@unifi.it

Наталья Запольская – доктор филологических наук, заведующая кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН.

zapolskaya_n@mail.ru

Игорь Климов – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и иностранной филологии Белорусского государственного университета культуры и искусств

klimau@mail.ru

Сергей Темчин – доктор гуманитарных наук, профессор, главный научный сотрудник Института литовского языка

sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Елена Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей Государственного исторического музея.

evoukhanova@mail.ru

Ирена Шпадијер – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Белградского университета

i.spadijer@gmail.com